

Людмила Кравцова

Вильнюсский университет

Каунасский гуманитарный факультет

Muitinès g. 8, LT-44280 Kaunas, Lietuva

E-mail: liudmila.kravcova@ktu.lt

Область научных интересов автора: когнитивная лингвистика, семантика, теория перевода

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В МИРЕ ПО ДАННЫМ СЛОВАРЯ АКТУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА, ОПРЕДЕЛЯЕМОГО ПО РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ)

В статье рассматривается религиозная ситуация в мире, реконструируемая по данным «Толкового словаря русского языка начала XXI века», имеющего подзаголовок «Актуальная лексика», под редакцией Г. Н. Скляревской. Объект исследования – существительные со значением лица, обозначаемые по религиозной принадлежности. В ходе вычленения такой лексики (26 слов) производится сравнение с данными словаря Ожегова, одного из самых популярных словарей советского периода, описываются сферы пополнения такой лексики (словарь Ожегова содержит 14 слов) и высказываются предположения о причинах отсутствия тех или иных лексем в словаре советской эпохи.

*Особое внимание уделяется обозначениям представителей ислама, что обусловлено изменением роли исламской религии в современном мире. В словаре эта новая роль находит отражение в количестве слов (5), обозначающих сторонников мусульманства (в словаре Ожегова – 2), превышающем обозначения носителей другого религиозного мировоззрения. Поскольку сложная ситуация в исламском мире ставит вопрос создания точных дефиниций существенных для ислама понятий, мы пытались рассмотреть соотношение значений слов **мусульманин, правоверный, исламист, ваххабит, шахид**, имеющих в своем значении компонент 'ислам', и установить семантические отношения между ними.*

В статье делается вывод следующего характера: словарь следует за обыденным сознанием, не проникающим в суть явления, а схватывающим тот его аспект, который актуализируется дискурсами публичной коммуникации, находящимися в плену понятийных неточностей. Это говорит о том, что религиозная ситуация отражается в картине мира носителей русского языка как весьма расплывчатая, представленная только отдельными содержательными компонентами соответствующих религиозных понятий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: религиозная ситуация, существительные со значением лица, картина мира, дискурс, мусульманин, правоверный, исламист, ваххабит, шахид.

Определимся с исходным понятием «религиозная ситуация» ... В самом общем плане под религиозной ситуацией понимается такое положение дел в мире, регионе и государстве,

которое характеризуется наличием, характером и интенсивностью религиозных проявлений, динамикой и направленностью их изменений, характером и степенью их воздейс-

твия на общество. То есть при оценке религиозной ситуации принимается во внимание наличие в мире, отдельно взятом обществе или регионе различных религий, конфессий, религиозных направлений, их количественное соотношение и взаимоотношения между собой, а также историческое вхождение в данное общество или регион и взаимоотношения с данным обществом и составляющими его группами (<http://www.christian-web.ru/study-302-1.html>).

Конец XX века – начало XXI ознаменовались изменением религиозной ситуации в мире: с одной стороны, социально-политические изменения в российском обществе привели к возрождению влияния церкви, увеличению числа людей, позиционирующих себя как верующие, с другой стороны, отсутствие особых ограничений в выборе конфессии и открытость мира стали причиной появления в России новых конфессиональных групп, которые не вписываются в «традиционные» религии. К последним относят православие, ислам, иудаизм и буддизм. Как видим, в списке нет католиков и протестантов, не говоря уже о кришнаитах и баптистах. Эти «нетрадиционные» для России религии встречаются обычно со стороны представителей «традиционных» недоброжелательное отношение (об ограничении прав «нетрадиционных» религий и опасности с их стороны не раз говорил патриарх Кирилл, которому и принадлежит данный термин). Само введение термина «нетрадиционные религии» должно побудить общественное мнение увидеть в многообразии религиозных конфессий и общин (в России их насчитывается около 23000) легитимность одних и альтернативную легитимным религиозным практикам

деятельность других, пришедших извне. Существует и третий фактор активизации религиозной мысли, и соответственно, средств ее выражения – это противостояние наступающему исламу. Поскольку ислам – «традиционная» религия для России, язык требует появления терминов, отграничивающих то, что получает название «радикальный ислам», от его «безобидных» форм.

Предметом анализа в данной работе является религиозная ситуация в мире, запечатленная в «Толковом словаре русского языка начала XXI века», имеющем подзаголовок «Актуальная лексика» и содержащем около 8500 слов и устойчивых словосочетаний. По словам составителей словаря, его объектом «является та часть современного русского языка, в которой нашли отражение наиболее существенные и очевидные процессы последних годов XX–XXI вв., оказавшие влияние на становление русского языка и на **языковое сознание его носителей**» (выд. нами) (Толковый словарь русского языка начала XXI века 2007, с. 6).

Анатоль Франс назвал словарь целым миром, расположенным в алфавитном порядке, поскольку в нем запечатлены радости и горести наших предков и наши собственные. В переводе на язык современной лингвистики можно сказать, что по зафиксированному в словаре национального языка лексическим единицам человек может познакомиться с тем, что мы называем «картиной мира» – представление об объектах действительности и отношениях между ними, отраженное в текстах, существующих на национальных языках и формируемое ими (Лассан 2008, с. 137). Мы остановили свой выбор на существительных лица, определяемого по конфессиональной принадлежност-

ти. Во-первых, именно существительные фиксируют явление как обретенное законченную форму (в противовес глаголам и прилагательным, которые изображают не автономно существующее явление, а атрибутивно связанное с предметом); во-вторых, конфессия репрезентирует себя не столько через вероучение, сколько через последователей этого вероучения. Если религиозная мысль не находит тех, кто делает ее «материальной силой», она не может стать религией. Так, мы узнаем православие по обрядам, праздникам, проповедям и т. п. исповедующих православие, как и представителей ислама или иудаизма мы распознаем по определенному поведению в значимые для них моменты бытия.

Нужно сказать, что представляемая работа вписывается в образовавшийся в последнее десятилетие достаточно широкий круг исследований по религиозной лексике, преимущественно связанной с православной культурой. Вот как описывает основные направления исследования этой семантической группы лексики Ю. Михайлова:

Во-первых, следует отметить работы когнитивного плана. В них исследуется ментальная специфика концептов религиозной сферы: Бог, душа, лик, соборность, православие и др. Авторами выделяются различные аспекты описания единиц: концепты исследуются, с одной стороны, в общекультурном дискурсе (Булавина 1998; Воробьев 1997; Зубкова, Листрова-Правда 1998; Родионова 1999), а с другой стороны – в дискурсе религиозном (Гольберг 2002; Карасик 1999; Никитина 1995; Сергеева 1999; Шмелев 1999). Во-вторых, выделяются работы лексико-семантического, в том числе этимологического направления, в которых исследуется развитие и изменение лексического значения единиц рели-

гиозной сферы (Волков 1998; Горюшина 2002; Москвина 1998; Одинцова, Белова 1995; Радутная 1998; Сергеева 1999, 2000 и др.). В-третьих, формируется лингво- и социокультурологическое направление, акцентирующее идеологический аспект семантики религионимов (Купина 1995, 1998, 2000; Майданова 1999; Милованова 2001; Романенко 1999, 2000; Склярская 2001). Характер изменений в лексикографическом портрете единиц религиозной семантики в постсоветский период и причины этих изменений описаны в монографии «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» (Купина 1995, с. 28–31). В-четвертых, можно выделить риторико-стилистический аспект анализа религионимов как стилиобразующих средств (Войтак 1998; Гольберг 2002; Гостеева 1997; Крылова 2003, Крысин 1996, Майданова 1999, Прибытко 1998; Прохвятилова 1999; Розанова 2003; Сергеева 1999; Со ЫнЕн 2000; Шмелев 1999 и др.). Отдельно выделяется лексикографический аспект, в соответствии с которым религиозная лексика рассматривается с точки зрения ее описания в словарях (Купина 1995; Емельянова 2000; Склярская 2000, Сквородников 1997 и др.) (Михайлова 2004, <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/93577.html>).

Именно этот аспект нам наиболее близок – с тем отличием, что мы не занимаемся вопросом толкования религиозных понятий, как это сделано в «Словаре православной церковной культуры» Г. Н. Склярской (2008), где дается описание основных понятий православного вероисповедания, обрядов, праздников и т. п. Нас интересует, как именно словарь актуальной лексики отражает религиозную ситуацию в мире и как изменилась эта ситуация по сравнению с ситуацией, отмеченной в словаре Ожегова советской эпохи (мы используем 16-е изд. 1984 г.).

Итак, сравним данные двух словарей: Толкового словаря русского языка начала

XXI века (далее: САЛ – словарь актуальной лексики) и Словаря Ожегова под ред. Н. Ю. Шведовой (далее: СО).

СО: *безбожник, буддист, евангелист, индуист, иудей, католик, ламаист, лютеранин, магометанин, мусульманин, иудей, протестант, сектант (2-е значение), христианин* – 14 слов.

В САЛ включены дополнительно: *адвентист, баптист, ваххабит, иеговист, исламист, иудаист, кришнаит, православный, сатанист, христиане-баптисты, шахид, экуменист* – 12 новых слов (всего 25). Слово *магометанин* отсутствует.

Список «новых слов» может вызвать удивление включением в него слова *православный*. Возможно ли, что в словаре Ожегова не было слова, называющего лицо по самой многочисленной конфессии России? Оказывается, слово *православный* не имело отдельной статьи, а включалось в статью *православие*: «последователь православия», в то время как в САЛ приводятся четыре однокоренных слова: *православные* («люди, исповедующие православие»), *православный* (прил.), *православный* («см. православные») и *православие*. Составители словаря следующим образом описывают критерии выбора грамматического числа заголовочного слова-существительного: «В форме множественного числа разрабатываются названия общностей людей (по национальной, конфессиональной и т. п. принадлежности). В этом случае при заголовочном слове в скобках приводятся формы единственного числа мужского и женского рода, <...> названия партий разрабатываются в единственном числе» (САЛ 2008, с. 18). Этот принцип как будто бы выдерживается, однако и форма единственного числа мужского

и женского рода, и форма множественного числа соответствующих слов, и название вероисповедания, к которым относятся лица, обозначенные формами единственного и множественного числа, графически оформляются как отдельные словарные статьи. Напр.: «**Католики** (ед. *католик, католичка*)»; «**Католицизм**=католичество»; «**Католичество** – одно из основных направлений христианства; католицизм»; «**Католичка**. См. католики». В результате такой подачи материала количество слов, имеющих отношение к религии, резко возрастает даже при зрительном восприятии словарных статей, расположенных, как правило, на одной странице. В силу этого удельный вес слов с анализируемой семантикой в актуальном словаре современного человека кажется довольно значительным. И, напротив, СО, уделяя меньшее количество отдельных статей обозначению лиц, относящихся к той или иной конфессии, снижает впечатление о роли религии в отраженном словаре мире. В дальнейшем мы будем рассматривать только форму единственного числа мужского рода существительного со значением лица, обозначаемого по религиозной принадлежности; в том случае, когда в САЛ имеется при этом слове отсылка к общему наименованию конфессии, мы будем обращаться и к значению данного наименования.

Как мы уже могли видеть, в новом словаре к списку слов, содержащихся в СО, добавлены слова со значением принадлежности к религиозным течениям, признаваемым сектами: *адвентисты, баптисты, сатанисты, христиане-баптисты*. Кроме того, в САЛ включено название лиц, имеющих отношение к ответвлению индуизма – *кришнаиты*,

что, очевидно, связано с легализацией кришнаизма на территории России (Московское Общество Сознания Кришны в Советском Союзе официально зарегистрировано в 1988 г., до этого кришнаизм находился практически в подполье, а до 1985 года преследовался в уголовном порядке (Феоктистов http://azbyka.ru/religii/sektovedenie/krishnaizm_feoktistov_0-all.shtml).

Интересно включение в САЛ слова *экуменист*, как и показательно его отсутствие в Словаре Ожегова. Идея объединения всех христианских церквей восходит еще к началу XX века. В 1927 г. в Лозанне состоялась 1-я Всемирная конференция «Вера и церковное устройство», посвященная выработке богословского базиса христианского единства; в 1964 году появляется декрет «Об экуменизме». Тем не менее, СО игнорирует это явление, хотя многие известные русские богословы относились сочувственно к идее объединения христианских церквей: прот. Г. Флоровский, прот. С. Булгаков, И. С. Арсеньев, Л. А. Зандер и др. Самый популярный словарь русского языка советского периода отражает идеологию атеистического общества, согласно которому религия не может занимать значительного места в жизни светского государства, и, напротив, современный словарь актуальной лексики уделяет словам с компонентом 'религия' весьма значительное место. Добавим также, что «пополнение» получило и обозначение сторонников иудаизма: *иудей* и *иудаист*. По данным САЛ, эти слова являются точными синонимами, однако по данным других словарей, *иудей* соотносится как с классом обитателей древней Иудеи, так и с евреями в целом (Толковый словарь Ефремовой 2000), то

есть неверующие евреи, согласно таким словарным определениям, могут именовать себя *иудеями*, но не *иудаистами*. В то же время, что следует из обсуждения на форумах, раздаются голоса: «Нет, нет такого слова “иудаисты”!!!» (<http://ftour.otzyv.ru/read.php?id=153874&p=40>). Интересно, что ни один переводной словарь (русско-немецкий, русско-английский, русско-французский и т. п.) не содержит этого термина. Видимо, мы имеем слово, возникшее по аналогии с именованием других течений (ислаимизм, буддизм, индуизм), возможно, с целью очистить именование сторонников иудаизма от многочисленных исторических коннотаций, часто имеющих негативный оттенок.

В данной статье мы подробнее остановимся на обозначении лиц, принадлежащих по вероисповеданию к мусульманству: *правоверный*, *мусульманин*, *ваххабит*, *шахид*, *исламист*. Причиной нашего интереса является бурное вторжение исламской струи в жизнь современного общества и влияние этого вторжения на речевую деятельность носителей русского языка. В САЛ мусульманство представлено 5 словами – ни одна другая религия не имеет столь широкой вербальной репрезентации, что на лексическом уровне коррелирует со значимостью ислама в современном мире.

Мусульманин (-е) – 'люди, исповедующие мусульманство'. *Мусульманство*, *магометанство* и *ислам* трактуются в СО как точные синонимы: *мусульманство*, *то же, что магометанство*. Религия, по преданию основанная Магометом (Мухаммедом) в 7 в., ислам. В САЛ: *мусульманство* = *ислам*. Наличие лексических дублетов, очевидно, связано с разным происхождением

этих слов: *ислам* – от араб. *преданность Богу, покорность*, («Что же такое Ислам? Само понятие *islam* в арабском языке означает «вверение себя Богу, т. е. полное подчинение воле Господа» (<http://www.imam.ru/>), *мусульманство* же, по данным БСЭ – «от перс. *мусульман*, араб. *муслим* – приверженец ислама» (<http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Мусульманство>). В словаре Фасмера дается следующая этимологическая справка: «Заимств. из тат., казах. *Musulman*, тур. *musliman*, перс. *musulmanot* араб. *Muslim*» (<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-30517.htm#vasmer>). Мы отметили отсутствие в САЛ слова *магометанин*, видимо, потому, что современные словари сопровождают слово *магометанство* помет. «уст.» (см., например, словарь Ефремовой).

Правоверный. По данным САЛ, имеет сегодня значение: ‘люди, исповедующие ислам’, тогда как в словаре Ожегова это слово имело дефиницию ‘строго придерживающийся какой-н. веры, религии, учения. П. католик’. Интересно, что словарь Ушакова, созданный еще в первой половине XX века (1928–1940), в качестве первого примера употребления этого слова давал именно *правоверный мусульманин* и, более того, показал, что так называют себя сами представители мусульманства: «в языке самих мусульман и в рассказах из восточной жизни» – то есть дал слово «чужому слову». Новый словарь актуальной лексики позаимствовал это «чужое слово», указав единственное употребление для слова *правоверный* (*правоверные* – люди, исповедующие ислам). Видимо, такая редукция употребления, приводящая к сокращению денотативного класса объектов, описываемых словом *право-*

верный, отражает вторжение исламской струи в жизнь современного общества. Тем не менее следует сказать, что в современных текстах публичной коммуникации слово *правоверный* продолжает употребляться в соответствии со значением, отмеченным словарями Ушакова и Ожегова или иронически переосмысленным: «правоверный лицедей» (об актере Николае Бурляеве), «правоверный Пехтин» (о депутате государственной Думы), «правоверный еврей» и т. п.. Таким образом, если опираться на САЛ, слова *мусульманин* и *правоверный* являются точными синонимами.

Исламист. Судя по электронному словарю синонимов В. Н. Тришина (2009), слово *исламист* является синонимом слова *мусульманин*, однако, по данным САЛ, **исламист** – это последователь исламского фундаментализма. Слово сопровождается пометой «полит.», то есть *исламист* – это не просто сторонник религиозного, но уже политического направления, отличающегося ортодоксальностью и непримиримостью. Таким образом, словарь, через словарные пометы, демонстрирует переплетение религиозного и политического начал в жизни представителей этой религии. Перед нами квазисинонимы, отличающиеся компонентом ‘фундаменталист’. Вместе с тем в примерах, приводимых словарем, чувствуется некоторое противоречие в толкованиях: так в статье *шахид* (см. ниже) приводится следующий пример: «Верховный муфтий России... зачитал даже некоторые высказывания из Корана, убеждая... присутствующих, что <...> священное для всех исламистов слово “шахид” нельзя применять к тем, кто взрывает себя в общественных местах» (САЛ 2007, с. 1077). Очевидно, муфтий

России говорил не об исламском фундаментализме, а о «традиционной» для России религии, название которой не имеет отрицательных коннотаций.

Ваххабист (ваххабит) – в САЛ сопровождается пометой «полит.»: представитель мусульманского радикального религиозно-политического движения, распространенного в некоторых странах Персидского залива, а также на северном Кавказе; сторонник идей, действий, характерных для этого движения.

В энциклопедических словарях более раннего периода ваххабизм трактуется как «религиозно-политическое течение в исламе, возникшее в кон. 18 в. в Аравии. Основатель – араб. богослов Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб выступил с проповедью возрождения «чистоты» ислама, за «подлинное» единобожие, исключающее всяких посредников между человеком и Аллахом» (Атеистический словарь 1986). Другими словами, в 1986 году ваххабизм не рассматривался как явление радикального ислама, ибо мир еще не испытал действия исламских взрывных устройств. Однако, с другой стороны, такое определение свидетельствует о том, что радикализм, борьба с неверными не является постулатом ваххабизма как религиозного направления, ставшего официальной религией Саудовской Аравии. Ваххабизму свойственны уравнивательные эгалитаристские идеи, неприятие роскоши, что вряд ли может служить предметом резкого порицания.

Исходя из вышесказанного и устанавливая смысловые (семантические) отношения между словами *мусульманин*, *исламист*, *ваххабит*, можно ли утверждать, что каждое последующее слово означает большую степень радикализма в исламской религии и, соответственно,

отношение лица не только к конфессии, но и к политической деятельности, например, стремлению установить определенный политический строй, порядок? Данные Рунета позволяют усомниться в корректном использовании и точном понимании термина *ваххабит* в русском публичном дискурсе. Так, организовавший на Ставрополье террористический акт (взрыв) Сергей Двораковский широко именуется в Рунете «русским ваххабитом»: «“Русский ваххабит” Двораковский, по данным ГУВД Ставрополя, является сторонником религиозного течения радикального толка, прошел идеологическую подготовку и был объявлен в розыск после того, как в доме в Пятигорске, где он снимал жилье, в марте 2011 года взорвалось самодельное взрывное устройство» (<http://www.rosbalt.ru/federal/2011/11/25/917025.html>). «По данным правоохранительных органов, Двораковский является приверженцем исламского течения ваххабизма» (<http://lenta.ru/news/2011/07/15/dvorakovskiy1/>). Вместе с тем, в местном ГУВД сообщалось, что «Двораковского в большой компании парней часто видели на дачах. Во время занятий все находились под наркотическим опьянением. Недалеко от места их сборищ есть заросли дикой конопли, где они постоянно “паслись”». Возникает вопрос, может ли фанатично верующий ваххабит питать тягу к наркотикам – то ли изменился ваххабизм, то ли к ваххабитам принято относить всех террористов и потенциальных смертников? К сожалению, САЛ не указывает на различия между словами *ваххабит* и *исламист*, то есть в обыденном сознании носителей русской культуры все, что касается радикальных течений ислама, отождествляется между собой.

«Исламский вызов» ставит множество проблем перед исламоведом, стремящимися разобраться в этом сложном явлении, и в первую очередь – в области создания точных дефиниций, способствующих адекватному представлению о раскладе сил внутри ислама (Наумкин, <http://www.islamica.ru/islamism/?uid=112>). Согласно автору цитируемой статьи, ваххабизм может быть вообще аполитичным, как это имело место «у таких известных саудовских клириков, как шейх ‘Абд ал-‘Азиз бин Баз (ум. в 1999 г.) и шейх Ибн ‘Усаймин (ум. в 2001 г.)» (там же). По словам В. В. Наумкина (см. выше), один из известных представителей ислама говорит о том, что «термин “ваххабит” применяется неправильно». США, к примеру, используют его для обозначения «джихадистов», то есть сторонников «священной войны» против иноверцев. Отметим, что САЛ не фиксирует этого слова – *джихадист* (*джихад* в словарь, конечно, включен), хотя именно джихадисты составляют самую радикальную исламскую группировку. Видимо, уточняя дефиниции, следует в первую очередь обратить внимание на корректность помет. Помета «полит.» уместна, когда речь идет о «политическом исламе»: «Термин политический ислам, особо часто применяемый, имеет в виду, что в обозначаемом им явлении религия неотделима от политики, что находит свое отражение в концепции исламского государства» (http://badnews.org.ru/news/islamskij_radikalizm_v_zerkale_novykh_koncepcij_chast_1/2010-11-17-4916), Следовательно, при слове *ваххабизм* помета вполне уместна, если иметь в виду стремление к созданию государств, строящих свою политическую жизнь на

религиозной концепции, например, таких как Саудовская Аравия. Однако примеры в словарной статье *ваххабит* побуждают думать об отождествлении понятий «исламский террорист» и «ваххабит».

Несмотря на частотность этого слова в дискурсе публичной коммуникации, немногие знают, что сами ваххабиты называют себя иначе – *муваххидуны* (единобожники), что ваххабизм – это прежде всего протест против культа святых, культа предков, т. е. своего рода мусульманский протестантизм. «Попытка очистить ислам от ереси» – так назвал ваххабизм председатель исламского комитета России Гейдар Джемаль. И тем не менее, в дискурсе публичной коммуникации возможны следующие высказывания: «Надо пояснить, что ваххабиты — это общее название для этих экстремистов» (moidagestan.ru) «Личные блоги» 17161). В этом случае мы начинаем употреблять термины ислама, как, впрочем, и другие религиозные термины, как **агнонимы** – слова, значение которых, если суммировать признаки, выделенные В. В. Морковкиным и А. В. Морковкиной, или совершенно неизвестны носителю языка, или же он знает, что слово относится к определенному классу явлений, но не знает, чем оно отличается от сходных явлений (Морковкин, Морковкина 1997, с. 106). Обычно к агнонимам относят слова из пассивного запаса лексики – архаизмы, историзмы, экзотизмы и т. п. Разумеется, *ваххабист* – в известной степени слово-экзотизм, однако оно широко вошло в активный запас русской лексики, о чем свидетельствует его включение в САЛ. Тем не менее, САЛ также не вносит ясности в определение обозначаемого этим словом понятия – опираясь на словарь,

мы можем сделать вывод, что *ваххабит* отличается от *мусульманина* наличием компонента ‘радикальный’, при этом наличие данного компонента побуждает реципиента считать интенциональным признаком класса ваххабитов склонность к терроризму: «А вообще вчера по полю злой ваххабит шлялся. Пальнули из танка, башку оторвали. Ваххабит, конечно. Ночью шлялся. Остальные молчаливо согласились – в самом деле кому еще, кроме злого ваххабита, могло прийти в голову шляться ночью по полю?» (Бушков 2001, с. 179). В этом отрывке из Романа Александра Бушкова «Четвертый тост» о спецоперации ФСБ в Чечне чувствуется ирония по отношению к «чужому слову», переданному в форме несобственно-прямой речи: выражение «злой ваххабит» напоминает «злого волка» из детских сказок «Волк и семеро козлят», «Красная шапочка» и т. п., а логика умозаключения о том, что ночью в поле может «шляться» только «злой ваххабит», также не кажется безукоризненной.

В Словаре Ожегова (изд. 1984 г.) этого слова нет. Это не означает, что ваххабизм – явление, появившееся в России лишь в последние годы. Согласно многочисленным источникам, уже в 80-е годы прошлого века в Дагестане происходит распространение учения, ведущего свое начало с XVIII века и стремящегося «очистить ислам от ереси». Уже в то время начинаются острые конфликты между сторонниками «традиционного ислама» и «ваххабитами», однако они не освещаются на страницах советской прессы, так как ислам, как впрочем, и другие конфессии, не связаны со светской жизнью государства. И только обострение отношений внутри исламских группировок и участие последователей аль-Ваххаба в войне против России (как

в любой религии, протестанты отличаются гораздо большей агрессивностью в утверждении своей позиции) привлекло внимание к явлению с таким названием, данным ему противниками обновленческого движения внутри ислама. Таким образом, в сознание носителей русского языка это слово вошло через «дискурс терроризма», в силу чего содержание понятия, стоящего за этим словом, оказалось редуцированным.

По данным САЛ, *Шахид* (араб., букв. мученик за веру) – 1. рел. последователь ислама, павший в войне против врагов этой религии; 2. полит. исламский террорист-самоубийца, камикадзе.

«Кавказ всегда славился своими героями, их подвигами восхищались, на их примерах росли следующие поколения. Самое почетное место среди истинных героев занимают шахиды, павшие на пути Всевышнего, держась за религию Ислам. Этой высокой награды удостоивались только избранные Богом», – эта фраза прозвучала на государственном мероприятии в Дагестане, устроенном в честь памяти мусульман – жертв террористических актов (<http://www.islamdag.ru/analitika/6128>). Подчеркнем – *не террористов, а жертв*, павших от рук террористов. Тем не менее, в обыденном сознании доминирует употребление этого слова, соответствующее второму значению, данному в словарной статье САЛ: «шахиды-камикадзе как особо опасная категория террористов» (http://www.oxpaha.ru/analytics_61_13326) «студентка-камикадзе, ставшая шахидом» (<http://www.inosmi.ru/untitled/20020131/142956.html>). Из обсуждения на форуме: «– Прошу разъяснить мне, почему нынче в Москве тонированные раздолбаные “шестерки” под управлением незнакомых с ПДД кавказцев называют

“шахид-такси”? Русские люди всегда славились умением метким словом заклеить кого угодно. Так что бы это значило? – Это значит только одно: слово *шахид* вошло в современный русский язык со значением “опасный для окружающих самоубийца кавказской национальности”. Только и всего:»). В XX веке в мусульманских странах «шахидами» стали называть также тех, кто погиб за родину, пусть за светскую, но всецело одобряемую обществом идею. Термин, таким образом, приблизительно соединяет в себе европейские понятия «мученик за веру» и «павший герой». Распространенное ныне представление о том, что «шахид» – это террорист-самоубийца есть плод ошибки, хотя идея шахидизма, разумеется, является главным моральным стимулом, которым соблазняют потенциальных террористов их духовные наставники» (kugaev.ru/smf/index.php?topic=124887.35).

Мы также не можем не признать тавтологичным употребление выражений *шахид-камикадзе*, даже если словарь и отражает современное представление об обозначаемом словом явлении. Если же разграничивать понятия «шахид» и «камикадзе» на том основании, что первый умирает за веру, а второй – за императора и честь, то мы получим алогичное соединение слов, не имеющее референта.

Подводя итог, можно заключить, что САЛ отражает религиозную ситуацию в мире гораздо более подробно, нежели это делал словарь советского периода. Более того, способ подачи лексики со значением конфессиональной принадлежности создает впечатление широкого присутствия религиозного начала в картине мира носителей русского языка. Увеличение роли ислама в жизни современных сообществ, преломленное в сознании

носителей русского языка, отражено в САЛ значительным увеличением слов с компонентом ‘ислам’ – 2 синонимичных слова в словаре Ожегова (мусульманин и магометанин) и 5 в САЛ – *мусульманин, правоверный, исламист, ваххабит, шахид*. При этом слово *правоверный* претерпело редукцию понятия – если раньше оно соотносилось (по словарю Ожегова) с представителем любой религии, настроенным ортодоксально, то, по САЛ, оно соотносится только с людьми, исповедующими ислам.

На основании данных САЛ религиозная ситуация в исламском мире представляется следующей: слова *мусульмане* и *правоверные* называют в точности совпадающие понятия, и денотат этих понятий не имеет признаков религиозного радикализма; *исламист* обозначает понятие, связанное с политическими жизнью мусульманства и осложненное компонентом ‘фундаменталист’. Если в том же словаре *фундаментализм* характеризуется как ‘религиозно-политическое течение, отличающееся крайней ортодоксальностью, непримиримостью и агрессивностью’, то практически под него может быть подведено и явление, обозначенное термином *ваххабит*. При этом словарь следует за обыденным сознанием, не проникающим в суть явления, а схватывающим тот его аспект, который актуализируется дискурсами публичной коммуникации, находящимися в плену понятийных неточностей.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что религиозная ситуация отражается в картине мира носителей русского языка как весьма расплывчатая, представленная только отдельными содержательными компонентами соответствующих религиозных понятий.

Литература

Атеистический словарь. Под общ. ред. М. П. НОВИКОВА. 1986. Москва: Политиздат. Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/521/word/%C2%0%D5%D5%0%C1%C8%С> (См. 10.11.2011).

БУШКОВ, А., 2001. *Четвертый тост*. Москва: Олма-Пресс.

ЕФРЕМОВА, Т. Ф., 2000. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык.

ЛАССАН, Э., 2008. *Лингвокультурология. Очерк русской концептологии*. Вильнюс: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla.

МИХАЙЛОВА, Ю. Н., 2004. *Религиозная православная лексика и ее судьба* (по данным толковых словарей русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УрГУ. Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/93577.html> (См. 08.11.2011).

МОРКОВКИН, В. В.; МОРКОВКИНА, А. В., 1997. *Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)*. Москва: АО «Астра семь».

НАУМКИН, В. В., 2008. *Исламский радикализм в зеркале новых концепций*. Режим доступа:

<http://www.islamica.ru/islamism/?uid=112> (См. 21.11.2011).

ОЖЕГОВ, С. И., 1984. *Словарь русского языка*. Издание 16-е под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Русский язык.

СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н., 2008. *Словарь православной церковной культуры*. Москва: Астрель, АСТ.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. 2007. Под ред. Г. Н. СКЛЯРЕВСКОЙ. Москва: Эксмо.

ТРИШИН, В. Н., 2004–2012. *Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS, версия 7.1, 3 ноября 2011*. Режим доступа: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/> (См. 12.12.2011).

УШАКОВ, Д. Н., (онлайн версия). *Большой толковый словарь современного русского языка*. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-30517.htm#vasmer> (См. 10.11.2011).

ФЕОКТИСТОВ, П., (онлайн версия). *Кришнаизм*. Режим доступа: http://azbyka.ru/religii/sektovedenie/krishnaizm_feoktistov_0-all.shtml (См. 21.11.2011).

Liudmila Kravcova

Vilnius University, Lithuania

Research interests: cognitive linguistics, rhetoric, semantics, theory of translation

REFLECTION OF THE RELIGIOUS SITUATION IN THE WORLD VIEW OF RUSSIAN NATIVE SPEAKERS

Summary

The article documents the changing perceptions of the global religious landscape among Russian native speakers by analysing changes in the number of Russian nouns denoting the religious affiliation of the people they refer to. The research is based on the comparison of the *Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Early 21st Century – Contemporary Vocabulary*, edited by G. N. Skl-

yarevskaya, and *Ozhegov's Dictionary*, one of the most popular dictionaries of the Soviet period.

The article also suggests reasons for the absence of certain lexicons in the dictionary of the Soviet era. Words denoting practitioners of Islam are one of the main focal points of this study. The ascending role of Islam in global politics, and the increasing attention paid to schisms within this religion, have created a demand for precise definitions of the various concepts of Islam. To capture this linguistic development, we have analysed the relationships and semantic connections among the words *мусульманин*, *правоверный*, *исламист*, *ваххабит*, *шахид*, and other words whose meanings contain an Islamic component.

We conclude that dictionaries tend to capture the everyday meanings of words, which are often a product of only a superficial grasp of the underly-

ing concept and commonly formed on the basis of mass media discourse, which, in turn, is subject to uncertainties of meaning. The limited set of contextual components attached to words denoting religious concepts speaks to the fact that the

understanding of the current religious situation and its ongoing developments is rather vague among Russian native speakers.

KEY WORDS: religious situation, nouns denoting people, world view, discourse, muslim, Islamite, Wahhabite, shahid.

Gauta 2011 12 04

Priimta publikuoti 2012 01 26